

Андрей Дмитриев

Ниспосланный поводырь

* * *

Монгол
окончил монолог
про магию
огня и олова.
Из рукава взметнулся голубь,
хоть воздух гол
и перемолот.
Сиди, зелёный богомол,
на лавке в сквере
возле школы,
пусть мчатся в темноту нукеры
по кромке скола —
кардиограммой
молний, пусть
история свою ест правду,
с которой громко наизусть
и страшно вкратце...

Шептали, шептали губы — не то,
что в параграфах сухим языком
разложено по полкам, ящичкам,
папкам, а искрящееся
на стыках времён и слов —
не поддающуюся логике боль,
идущую впереди лезвия тревогу,
прорастающее под гнётом
величия сострадание...
Это и было моление —
пытливое зёрнышко человека.

Кругом
разлито молоко...
А кто?
А в ком?
А далеко ль?
Сидит зелёный богомол,
а в лапках — воздух гол...

* * *

Корни деревьев
ищут золото жизни
так глубоко,
как хватает длины
в чёрном вареве
сосредоточенной почвы.
Нам не видно
этой кропотливой работы,
этого искреннего
устремления.
Мы привыкли
лишь констатировать
высоту и пышность цветения,
а что там —
за кадром грунта —
остаётся тёмным
чуланом земли,
где сложены ржавые вёдра
и шанцевый инструмент,
где, кажется, нет ничего
для эстетики
пейзажиста...

Но если же крону,
держашую в пальцах листву
простым шелестящим чудом,
достойным таки восторга,
представить на миг
продолжением корня,
гейзером внутренней силы,
вырвавшимся из недр
воплощением веры
в свет по ту сторону тьмы —
начинаешь чувствовать,
что золото жизни
всё-таки найдено
и явлено миру...

* * *

Щебень грузи,
камень грузи,
мебель грузи,
свёклу грузи...
Побуксуем в грязи,
а там — в ферзи,
а там — кому жить на Руси —
тому и вези,
ну и тому, кто вблизи,
и даже, кто необозрим.
Так что брёвна грузи,
уголь грузи,
трубы грузи,
бочки грузи
и прочее тоже грузи...

С вокзала таксист-грузин —
то, что осталось — по адресам развозил.
Дверной звонок — дзинь-дзинь.
Здравствуй, Зин.
Сколько лет, сколько зим.
Свет в прихожей — неугасим...

С утра завезли
в магазин
сельдь иваси,
а ещё колбасы
и всё, что просится на весы.
Новый день — новый круг по оси.
Не стой руки в брюки — грузи.

* * *

Пахло бензином,
пахло — да выпахало.
Не птахой, но прахом —
осыпалось
с неба на землю.
А ты пишешь про гравий
из-под колёс —
будто есть ещё зеркало
и цветы для гербария,
чтобы всерьёз
думать о красоте дорог
в колосющейся глухомани,
где на ощупь — лишь бог,
если не фига в кармане...

Впрочем, грустно —
не только, когда пусто,
а искусство —
не только, когда густо.
Снова винтик расшатан
в железном корпусе текстов,
и оттуда — лишь пёрышко
из воробьиного хвостика...
Никто не позволит тебе отдышаться,
ничто не застынет на месте
между грядущим и прошлым,
так что настраивай оптику...

Пахло бензином,
и в этой связи —
не подносили огня...
Ждём с неба воды
с надеждой на то, что она —
ниспосланный поводырь...